

Говард Филлипс Лавкрафт

Безымянный город

(The Nameless City)

Едва завидев Безымянный город, я уже знал, что этот город проклят. Блуждая под луной по страшной выжженной пустыне, я в ужасе заметил, как он проступает из песка, – так выпирают из земли едва забросанные члены трупов. Страхом дышали вековые камни этого престарелого, пережившего всемирный потоп прапрадеда древнейших пирамид; он источал невидимую злую силу, которая отталкивала меня, словно повелевая отступить от давно забытых жутких заповеданных человеку тайн – из смертных только я дерзнул к ним прикоснуться.

Далеко-далеко в Аравийской пустыне лежит Безымянный город, рассыпающийся и безмолвный; череда веков занесла песком его низкие стены, стоявшие здесь задолго до того, как заложили первые фундаменты Мемфиса, а кирпичи для вавилонских зданий поместили в печи для обжига. Не сохранилось ни одной легенды, которая бы донесла до нас звук его имени или намек на то, что в нем кипела жизнь в былые дни. И все-таки о нем переговаривались кочевники вокруг бивуачных костров, перешептывались старухи в шатрах шейхов, и не было такого племени, которое, бог весть почему, не обходило бы его стороной. Безумному поэту Абдуле Алхазреду приснился как-то этот город, после чего он и сложил непостижимое двустишие:

*Не мертво то, что в вечности живет,
Со смертью времени и смерть умрет.*

О, если б мне достало разума понять, что у арабов были веские причины чураться Безымянного города, – города, о котором шли диковинные толки, но которого не видел ни один живущий, однако я не внял предупреждениям: сел на верблюда и отправился бродить по девственной пустыне. Кроме меня, никто не видел этот город – и только на моем челе с тех пор лежит ужасная печать неутраченного страха, а тело мое сотрясается от дрожи, едва в окно подует ночной ветер. Когда я подошел к этому спавшему вечным сном городу, он глянул на меня каменным оком – оцепенелый, жуткий, стылый от холодного лунного света, несмотря на зной пустыни. И, подарив его ответным взглядом, я не почувствовал ни капли ликования оттого, что отыскал его, а просто остановил верблюда и стал пережидать темноту.

Прошло немало времени, пока померкли звезды; наконец небо посерело, потом порозовело, и у края его пролегла золотистая кайма. Вдруг до меня донесся стон песчаной бури, носившейся над древними камнями, хоть небо было так же ясно и так же тих пустынный горизонт. Через сквозистую дымку смерча, быстро сходявшего на нет, прорезался сверкающий край солнца, встававшего над дальними песками; и тут я стрепетом услышал, что из неведомых глубин доносится бряцание металла, приветствующее рдяный диск, как некогда на нильских берегах его приветствовал Мемнон. В ушах у меня звенело, ум кипел, пока я осторожно вел верблюда по пескам к этой обители безмолвия, которую дано было увидеть только мне из всех живущих.

Бродя среди бесформенных фундаментов, оставшихся от зданий, я не заметил ни единой высеченной в камне надписи, ни одного рисунка, который бы поведал что-нибудь о людях (если то все же были люди), построивших и населявших этот город. В самой его древности было что-то жуткое, и я искал какого-нибудь знака или свидетельства, что этот город есть творенье человеческое. Что-то неладное я ощущал в размерах и пропорциях руин. Поскольку у меня с собою были инструменты, я долго вел раскопки у развееванных, в прах стен, но дело подвигалось туго, и ничего значительного не открылось. Тем временем вернулась темнота, взошла луна, и с леденящим ветром возвратился страх – я не дерзнул остаться на ночь в этих вечных стенах. Устраиваясь на ночлег, я слышал, как над серыми камнями со вздохом поднялся слабый песчаный вихрь, хотя луна светила ярко и дальние пески не шевелились.

Проснулся я с рассветом – из водоворота страшных снов меня извлек все тот же лязг металла, от которого звенело в ушах. Хоть весь пейзаж был мирен и спокоен, красное солнце проглянуло через редевший столб песка, слабо кутившегося над Безымянным городом. И я вернулся к погруженным в забвенье руинам, что спали под песчаными барханами, как людоед под покрывалом, и вновь вотще искал следы забытого народа. В полдень я сделал перерыв, а отдохнув, решил установить, где пролегли улицы и возвышались стены почти рассыпавшихся ныне зданий, и занимался этим очень долго. Да, город этот был и впрямь громаден и могуществен, и я стал размышлять о временах его величия. Я рисовал себе роскошество столь давних дней, что их не помнила Халдея, я думал об обреченном Сарнате, что попирали ногами Землю Мнар еще тогда, когда весь род людской был очень молод, я представлял себе старинный Иб, высеченный в сером камне еще до появления человечества.

Внезапно я набрел на место, где горная порода проступала из песка в виде пологого уступа, что, как я с радостью подумал, сулило новые находки – следы людей, которые здесь обитали до потопа. В утесе явно было вырублено несколько приземистых строений или храмов, наружную резьбу которых давно изгладили песчаные заносы, но за их грубыми фасадами, во внутренних покоях, возможно, прятались бесчисленные тайны седой древности.

Все входы помещались очень низко и были сильно занесены песком, но я расчистил один из них лопатой и, наклонившись и держа в руке зажженный факел – чтоб осветить то, что ждало меня внутри, – пролез в пещеру. То был, конечно, храм, и он хранил следы народа, который населял когда-то город и поклонялся здесь своим богам в ту пору, когда пустыня не была еще пустыней. Как и положено, там находились жертвенники – довольно примитивного устройства, колонны, ниши, но все на редкость низкое; скульптур и фресок я не обнаружил, зато нашел много затейливых, вне всякого сомнения обработанных, камней. Высеченный в скале грот был на удивление низок – я не мог выпрямиться, даже стоя на коленях, – но в то же время столь обширен, что света факела не доставало, чтоб озарить его пространство. В иных углах мне становилось жутко, особенно при виде жертвенников и камней, чья форма вызывала в памяти давно забытые обряды самого темного, пугающего, омерзительного свойства и заставляла призадуматься о том, кто мог создать и посещать подобный храм. Осмотрев все, что там было, я поскорее выбрался наружу, страстно желая найти и другие храмы.

Наступал вечер, но теперь, когда мне удалось приблизиться к чему-то более осязаемому, любопытство одержало верх над страхом. Я больше не бежал длинных теней, отбрасываемых лунным светом, которые так устроили меня при первом взгляде на Безымянный город. Стало темнеть, но я расчистил побыстрее еще одно отверстие и с новым факелом в руке протиснулся в пещеру – внутри лежали причудливые камни и ритуальные предметы такого же неведомого назначения, как и в первом храме.

Помещение, столь же низкое, но более узкое, чем там, заканчивалось тесным тупиком, заставленным загадочными и угрюмыми гробницами. Я погрузился в их осмотр, но тут послышался шум ветра, и тишину прорезал крик верблюда, заставивший меня поспешить к выходу, – нужно было взглянуть, что потревожило животное.

Луна сияла над доисторическими развалинами, и в ее свете я увидел густое облако песка, гонимое довольно сильным, но уже стихавшим ветром, который дул откуда-то из-за утеса. «Наверное, смерч обеспокоил моего верблюда», – подумал я и собрался было отвести его в более защищенное место, но, ненароком посмотрев наверх, увидел, что над утесом ветра не было. Я удивился и опять затрепетал от страха, но тут мне вспомнилось, как на восходе и заходе солнца внезапно взвихривались узкие воронки смерча, и я успокоил себя тем, что в пустыне все это в порядке вещей. «Наверное, дует из какой-нибудь расщелины в стене пещеры», – подумал я и стал искать истоки ветра, вздымавшего песок. Кйк вскоре обнаружилось, дуло из темного входа в храм, почти не попадавший в поле моего зрения, так как он находился много южнее. Сквозь тучу набивавшегося в рот песка побрел я к этому храму, который возвышался в темноте и в самом деле оказался больше остальных; вход его почти не был завален спекшимся песком. Я уже занес ногу, чтобы ступить внутрь, но яростный порыв ледяного ветра едва не погасил мой факел. С безумной силой вырывался ветер из темного дверного провала и, тяжело вздыхая, взметывал песок, который оседал на призрачных развалинах. Немного погодя он стал стихать, песок мало-помалу улегся, и наконец все успокоилось; но среди фантастических камней этого города я ощутил присутствие чего-то чуждого и, обратив взгляд на луну, заметил, что и она подрагивает, как будто отражается на ряби волн. Невыразимый страх сковал мне члены, но даже он не мог перебороть снедавшую меня страсть к неизведанному; и потому, едва улегся ветер, я вновь шагнул в черневшее передо мной отверстие.

Как я и предполагал, новый храм превосходил размерами два предыдущих, обследованных мною раньше; должно быть, то был грот естественного происхождения, поскольку ветер дуло откуда-то со стороны. Здесь можно было выпрямиться в полный рост, но камни и жертвенники были не выше, чем в двух других пещерах. Наконец-то мне попались на глаза следы изобразительного искусства этого древнего народа: загадочные выцветшие завитки почти осыпавшихся красок покрывали все внутреннее помещение храма, а на двух жертвенниках я с нарастающим волнением разглядел искусную орнаментальную резьбу, состоявшую из изогнутых линий. Подняв повыше факел, я увидел, что очертания сводов имеют правильную форму, – должно быть, грот был вырублен в скале доисторическими каменотесами, но непонятно, как они исполнили сей труд. Похоже, что у этого исчезнувшего народа было высокоразвито инженерное искусство.

Тут ярко вспыхнувшее пламя высветило то, что я искал, – начало пути к безднам, где зарождался налетавший вихрем ветер: при виде цельной каменной дверцы, явно вытесанной из скального монолита руками человека, я едва не лишился чувств. Сунув в пропасть факел, я увидел черный туннель с низким потолком, нависшим над неровными, очень мелкими, круто уходящими вниз бессчетными ступенями. До гробовой доски будут мне, сниться эти ступеньки, чей ужасный смысл открылся мне позднее! А в первую минуту я даже не признал их за ступеньки и решил было, что это зазубрины для упора ног, прорезанные на отвесном спуске. В голове носилось что-то сумасбродное, и казалось, что арабские пророки посылают мне свои увещевания через пустыню – из земель, подвластных человеку, в Безымянный город, человеку заповеданный. И все-таки, помешкав лишь мгновенье, я шагнул под своды, стал лицом к крутому спуску и начал осторожно переставлять вниз ноги, как на приставной лестнице.

Только в самых страшных наркотических видениях или в горячечном бреде может привидеться подобный спуск. Узкий коридор, похожий на ужасный, населенный духами колодец, казалось, не имел конца – пламени факела, который я держал над головой, не доставало, чтоб осветить его неведомые глубины, куда я вознамерился спуститься. Я потерял счет времени и перестал справляться с часами, боясь подумать, какое расстояние уже преодолел. И направление, и крутизна туннеля то и дело изменялись; в какую-то минуту я очутился в длинном, низком, ровном коридоре, по каменному полу которого мне пришлось ползти, не выпуская факела из поднятой руки, – из-за невероятной тесноты нельзя было передвигаться даже на коленях. Потом опять пошли ступеньки. Пока я вновь, не знаю, сколько времени, спускался вниз по их крутым ребрам, огонь потух. Я, видимо, не сразу и заметил это и долго тянул вверх руку, словно освещая путь. Жажда таинственного и неведомого совсем свела меня с ума, я превратился в странника, кочующего по земным глубинам, – в какой-то дух земли, охочий до далеких древних заповедных мест.

В крошечной тьме перед глазами будто загорались строки моих любимых сочинений – жемчужин демонологической литературы: то были сентенции безумного араба Алхазреда, пассажи из апокрифических кошмаров Дамаскина и малоизвестные отрывки бредового «Image du Monde» Готье де Метца. Я повторял загадочные темные слова и бормотал что-то об Афрасиабе, о демонах, что плыли с ним по Оксу, и нараспев твердил некую фразу из сказки лорда Дансейни «Непроглядная тьма бездны». Когда спуск стал особенно обрывистым, я стал читать стихи Томаса Мура, но вскоре замолчал от страха:

*Вместилище бездонной тьмы
Черно, как ведьмины котлы
С кипящим зельем. Наклоняясь
Чтоб отыскать какой-то путь
Сквозь эту бездну, я узрел.
Насколько мог проникнуть взор,
Стекланный отблеск темных стен,
Сверкающих, как черный лак,
И мрак, что сквозь осклизлый зев
Обитель Гибели струит.*

Когда я снова почувствовал под ногами ровный пол, время уже перестало существовать для меня. Я очутился в зале, своды которого были несколько выше, чем в двух первых храмах, оставшихся где-то высоко над головой. Выпрямиться во весь рост здесь тоже не было возможности, но на колени можно было стать; перемещаясь наугад, куда придется, я, несмотря на темноту, вскоре осознал, что нахожусь в каком-то узком коридоре, у стен которого выстроились деревянные ящики со стеклянной передней стенкой. В этой доисторической палеозойской бездне мне встретилось стекло и полированное дерево, и это не могло не навести на ужасающие подозрения, от которых мороз подирал по коже: вдоль коридора стояли два ряда вытянутых горизонтальных расставленных через равные промежутки ящиков, явно похожих на гробы размерами и формой. Чтоб разобраться, что это такое, я попробовал сдвинуть один-другой с места, но они были намертво прикреплены к земле.

Я ощущал, что коридор уходит куда-то далеко, и поспешил вперед, пытаюсь побыстрее передвигаться на коленях и время от времени бросаясь то в одну, то в другую сторону, чтобы определить на ощупь, стоят ли все еще ящики у стен, – то было бы чудовищное зрелище, если бы кто-нибудь способен был меня увидеть в этой адской тьме. Но нам привычно мыслить зрительными образами, и я, забыв о темноте, нарисовал в своем воображении бесконечно длинный коридор, аккуратно уставленный застекленными деревянными ларями, – можно сказать видел все это воочию. И я узрел это на самом деле – в какой-то непередаваемый словами миг.

Трудно сказать, когда фантазии пришло на помощь зрение, но впереди стало светлеть, и неожиданно я осознал, что благодаря неведомо откуда взявшемуся свечению я и впрямь вижу размытые абрисы коридора и ящиков. Сначала, пока флуоресцирование было слабым, все выглядело точно так, как я и представлял себе, но, выбравшись на яркий свет – колени сами делали свое дело, – я понял, что мое воображение меркнет перед реальностью. В отличие от верхних храмов лежавший передо мною зал не относился к памятникам грубого примитивного искусства – его экзотика дышала мощью и необузданной фантазией. Дивные узоры и смелые изображения сплетались в неопишимо яркую богатую и красочную настенную роспись. В ящиках же, сделанных из какого-то неизвестного золотистого дерева, за дверцами из тончайшего стекла располагались мумифицированные останки каких-то жутких химерических существ, в своем уродстве превосходившие самых нелепых чудовищ, какие только могут привидеться во сне.

Перо бессильно описать, как выглядели эти уродцы. Больше всего они походили на рептилий с туловищем крокодила, или тюленя, или кого-то вовсе не известного ни одному зоологу или палеонтологу. В длину они были с малорослого человека, передние ноги заканчивались тонкими и явно выраженными ступнями, поразительно похожими на человеческие руки. Но самое странное впечатление производили их головы, форма которых не соответствовала никаким биологическим закономерностям. Невозможно подобрать подходящего сравнения – пожалуй, мордой эти твари напоминали одновременно кошку, бульдога, мифологического сатира и человека. Столь нависающего и широкого лба не было у самого Юпитера, а рога, безносость и крокодильи челюсти не позволяли отнести их ни к одному из зарегистрированных видов. Вначале я усомнился в подлинности мумий – решил, что это рукотворные божки, но потом пришел к мысли, что

это и впрямь какая-то вымершая раса эпохи расцвета Безымянного города. Смехотворнее же всего было то, что многие из них носили пышные уборы из великолепных тканей и сплошь были увешаны украшениями из золота, драгоценных камней и какого-то неизвестного блестящего металла.

Должно быть, могущество этих ползучих тварей было беспредельно, ибо на фресках стен и потолка они фигурировали в самых героических сюжетах. С непревзойденным мастерством художник запечатлел все мироздание рептилий, их города и сады, разбитые в полном соответствии с их размерами; я не мог избавиться от мысли, что передо мной аллегорическая живопись, в которой отразилась история народа, творившего им культ. Я решил, что эти существа были для жителей Безымянного города тем же, чем пресловутая волчица для Рима или какое-нибудь тотемное животное для поклонявшегося ему индейского племени.

Такой подход давал возможность проследить хотя бы в общих чертах прекрасную сагу Безымянного города – могущественной морской метрополии, которая правила всем миром в ту пору, когда Африка не поднялась еще из волн, а позже, когда море отступило и окружавшую его плодородную долину поглотили пески, – боролась с надвигавшейся пустыней. Передо мною проходили сцены войн и бедствий, побед и поражений, потом – отчаянной борьбы с пустыней, когда тысячи существ, изображенных в виде странных аллегорических рептилий, в едином порыве прорубали в скалах дорогу вниз, – в потусторонний мир, завещанный пророками. Все это выглядело очень фантастично и в то же время совершенно жизненно, – на фресках явно был изображен тот жуткий путь, который я сейчас проделал. Я даже узнал последний спуск.

Пробираясь в сторону все ярче разгоравшегося света, я обозревал на стенах коридора последние этапы живописной эпопеи, там был изображен исход жителей, десятки миллионов лет населявших Безымянный город и окрестную долину. Душой они давно покинули это вымирающее место, к которому когда-то, на заре времен, прилепились телом, явившись сюда как кочевое племя и вырубив в первозданных скалах свои примитивные святилища, которым с той поры и поклонялись. Освещение все улучшалось, так что я теперь мог тщательнее осмотреть картины и, памятуя о том, что диковинные рептилии символизируют безвестное племя, стал задумываться об обычаях Безымянного города. Многие казались мне непостижимым и весьма своеобразным. Несомненно, уровень этой обладавшей письменностью культуры был много выше, чем позднейшие цивилизации Египта и Халдеи, но встречались в ней и непонятные пробелы. Так, здесь не было изображений смерти и похоронных ритуалов, не считая сцен, воссоздававших войны, чумные поветрия, набеги, – на естественную смерть как будто наложили вето. Слово идеал бессмертия был здесь тщательно оберегаемой и утешительной иллюзией.

В конце коридора помещались самые красочные и неожиданные сцены: страшные картины нарастающего упадка и запустения Безымянного города перемежались образами какой-то неведомой райской обители – чтобы попасть туда, племя рептилий прорубало себе дорогу в скалах. На всех картинах город и песчаная долина лежали в лунном свете, янтарное призрачное, неуловимое сияние которого, тонко переданное художником, струилось на разрушенные стены и на остатки великолепия недавних дней.

Обитель райского блаженства выглядела сказочной до неправдоподобия – то был потаенный мир недреманно-вечного дня, стоявшего над цветущими городами, благодатными долинами и дивными холмами. Пожалуй, к концу эпопеи рука стала изменять художнику. В линиях и красках появилась грубость, а своей вычурностью заключительные сцены невыгодно отличались от начальных – даже самых яростных, как будто в живописи.

Отражалось постепенное вырождение древнего народа, – все больше злобившегося на внешний мир, откуда их вытеснила пустыня. Люди – вернее, все те же священные рептилии – словно бы истаивали, тогда как лунный свет, символизировавший их дух и осенявший руины, сиял – соответственно – все ослепительней. Истощенные жрецы-рептилии в богато изукрашенных одеждах проклинали воздух верхнего мира и каждого, кто им дышал, а в жуткой финальной сцене изображалось, как члены древнего племени разрывают на части Первобытного человека, – возможно, первопроходца древнего Айрема, города Колонн. Мне вспомнилось, как трепетали Безымянного города арабы, и я порадовался тому, «го дальше идут серые голые коридоры и нерасписанные потолки.

Рассматривая череду сменяющихся эпизодов этой настенной истории, я приблизился к концу этого сплющенного зала и обнаружил дверь, из которой лился фосфоресцирующий свет. Подобравшись к ней поближе, я громко вскрикнул – так сильно меня удивило открывшееся зрелище: вместо других, еще более ослепительных залов, меня ждала за нею беспредельная, ровно светившаяся пустота – как будто я смотрел с вершины Эвереста на расстилавшуюся внизу и пронизанную солнцем дымку. Позади меня находился низкий коридор, не позволявший выпрямиться, передо мной – подземный лучезарный океан.

Из коридора вниз, в сияющую бездну, шла очень крутая лестница, верней, бессчетные ступеньки, такие же, как в темных спусках, которыми я полз сюда, но через несколько футов и они утонули в светозарном мареве. Слева от меня висела толстенная медная дверь, украшенная фантастическими барельефами; закрываясь, она отгораживала нижний светящийся мир от каменных сводов и коридоров. Я глянул на ступеньки, но все-таки не сделал ни шага вперед. Затем тронул открытую дверь, но она не поддавалась. Тогда я повалился ничком на каменный пол – хотелось отвлечься от чудовищных мыслей, кружения которых не могла остановить даже смертельная усталость.

Так я лежал, не шевелясь, с закрытыми глазами и размышлял над фресками, и разные вопросы, едва привлечшие мое внимание, вдруг встали передо мной во всем их ужасающем значении. Перед моим мысленным взором проносились картины расцвета Безымянного города, пышная зелень окрестной долины, дальние страны, с которыми его купцы вели торговлю. Но почему там всюду были изображены аллегорические рептилии, и почему в такой серьезной вещи, как иллюстрированная история, так строго выдерживался подобный символизм? Изображения Безымянного города на фресках неизменно соответствовали величине рептилий. Задумавшись о том, каким он был во дни величия и каковы были его реальные размеры, я вспомнил, что, когда осматривал развалины, почувствовал какую-то несообразность их пропорций. И первые храмы, и подземный коридор были на удивление низкими – наверное, в знак почтения к

рептильным божествам, в честь которых они и были вырублены в скалах, ибо поклонявшимся волей-неволей приходилось опускаться на колени. Возможно, обряд как раз был призван имитировать передвижение ползком. Но никакой религиозной гипотезой не объяснить, почему горизонтальные переходы страшного спуска были такими же низкими, даже, пожалуй, ниже, чем храмы, – там невозможно было стать даже на колени. Вспомнив о ползучих тварях, чьи мумии находились совсем рядом, я ощутил новый прилив страха» Тут мне пришло в голову – порой нас посещают очень странные идеи, – что только на последней фреске был нарисован древний человек, растерзанный на части, и значит, среди реликвий и символических изображений первобытной жизни, которых тут было великое множество, лишь я являл собою образ человеческий, – от этой мысли меня обдало ужасом.

Но в моей странной скитальческой жизни любопытство всегда пересиливало страх, а сияющая бездна наверняка была достойна величайшего исследовательского дерзновения. Вне всякого сомнения, глубоко внизу, куда ведут на редкость мелкие ступеньки, лежит неведомый мир тайны; возможно, я отыщу там ключ к тому, кто были загадочные человеческие существа, отсутствовавшие на фресках, которые живописали чудо-города и долины этого низкорослого царства. Воображение подсказывало, что мне там могут встретиться величественные древние руины.

Я опасался скорее прошлого, чем будущего. Конечно, очень страшно было так лежать в этом тесном коридоре, рядом с мертвыми рептилиями и доисторическими фресками, глубоко-глубоко под землей, в страшной дали от моего привычного мира и в непосредственной близости от чуждого, жуткого мира потустороннего света и тумана, но все это не шло ни в какое сравнение со смертельным ужасом, который вызывала у меня эта вековая бездна и самый ее дух. Глубокой, непредставимо глубокой древностью веяло от доисторических развалин, от высеченных в камне храмов Безымянного города, от нарисованных на фресках невероятных карт, где были обозначены давным-давно забытые материки и океаны и где лишь изредка встречались смутно знакомые рельефы земной поверхности. Что случилось в ту геологическую эру, когда была создана эта наскальная живопись, на кого затаило обиду это не приемлющее смерти племя, почему оно выродилось и в конце концов совсем исчезло – всего этого уже никто сказать не мог. Некогда и в этих пещерах, и в лучезарном царстве света кипела жизнь – теперь здесь никого нет, кроме меня одного; от всей той жизни остались лишь поразительные реликвии. Страшно подумать, сколько веков длится их одинокое немотствующее бдение!

Тут меня снова обуял безумный страх, который то и дело накатывал на меня волнами с тех самых пор, как я увидел жуткую долину и Безымянный город, осиянный холодным лунным светом. Придя в себя, я осознал, что, несмотря на дикую усталость, делаю отчаянные попытки сесть и посмотреть назад, во тьму коридора, который вел к туннелям и земной поверхности. Такое же необъяснимое мучительное чувство заставило меня покинуть ночью Безымянный город. И в самом деле, меня ожидало новое потрясение – вечное безмолвие могильной бездны неожиданно огласилось глубоким низким стоном. Казалось, это стонут проклятые души, толпящиеся где-то в зеве коридора, куда был обращен мой взор. Звук нарастал и раскатился эхом в низких переходах, и в тот же миг меня настиг порыв холодного ветра, уже знакомого мне по верхнему городу. Прикосновение его холодных пальцев подействовало на меня отрезвляюще. Мне тотчас

вспомнились нежданные песчаные вихри, взмывавшие над пропастью туннеля с восходом и заходом солнца – благодаря ним я и открыл этот туннель. Посмотрев на часы, я понял, что близится рассвет, и приготовился, собравшись с силами, сопротивляться ветру, сметавшему в свою берлогу все, что попадалось на его пути; по вечерам он с такой же силой вырывался наружу. Страхи мои поулеглись: борьба с природными явлениями рассеивает мысли о неведомом.

Все отчаянней завывал и стенал ночной ветер в глубоких провалах земли. Я снова распростерся на полу, вцепившись в него пальцами: через распахнутую дверь меня могло снести в фосфоресцирующую бездну. И все-таки подобного неистовства я не ожидал. В какое-то мгновение я ощутил, что меня в самом деле сносит к пропасти, и целый хоровод страхов, реальных и воображаемых, закружился в голове. Злобная сила ветра рождала самые нелепые фантазии: в дьявольской хватке воздушных водоворотов мне чудилась мстительная ярость, тем более неукротимая, что ей обычно не на кого было пасть, и я еще раз вспомнил с содроганием единственного человека, изображение которого видел в этом жутком коридоре, – человека, разорванного в клочья безымянным народом. Вероятно, я кричал – я почти обезумел от страха, но, если и кричал, голос мой тонул в адском завывании ветра. Я пытался отползти назад, укрыться от незримой убийственной стремнины, но даже удержаться на месте был не в состоянии – меня медленно и неотвратно влекло в безвестный мир. Наконец мой рассудок не выдержал, и я стал твердить непостижимое двустишие безумного араба Алхазреда, которому Безымянный город привиделся во сне:

*Не мертво то, что в вечности живет,
Со смертью времени и смерть умрет.*

Лишь хмурым равнодушным богам пустыни ведомо, что произошло на самом деле; лишь им известно, как я боролся в непроглядном мраке и кто был Аваддон, который вывел меня к свету, но до конца своих дней, пока я не перейду в иной, лучший – а может быть, и худший – мир, я буду вздрагивать при каждом вздохе ночного ветра. Я встретился с чудовищной всепобеждающей потусторонней силой – такое не увидишь даже в страшном сне, лишь в окаянные часы предрассветной бессонницы приходят порой на ум подобные кошмары.

Как я уже говорил, ярость всесокрушающих порывов ветра была поистине бесовской, в их сатанинской какофонии слышалась подавленная злоба извечного загробного одиночества. Наверное, мне изменил рассудок: уже не только из темного коридора доносились стоны до моих измученных ушей, но и с другой стороны – со стороны светящейся туманной бездны, звучали отчетливые крики. Оттуда, из могилы давно ушедших исторических эпох, бесконечно удаленной от солнечного человеческого мира, неслись угрозы, злобное рычание, какие-то слова на незнакомом языке. Обернувшись к светозарному мареву, я увидел то, что скрадывалось мраком коридора: в туманные недра земли мчались чудовищные полчища полупрозрачных, источавших ненависть демонов; они были нелепо выражены и изрыгали проклятия. Я их узнал – то были ползучие твари Безымянного города, ошибиться было невозможно.

Потом ветер утих, и в земной утробе воцарилась адская тьма, ибо когда тяжелая медная дверь захлопнулась за последним из этих оборотней, раздался оглушительный

металлический лязг, эхо которого понеслось к горнему миру, чтобы приветствовать восходящее солнце, как его приветствовал Мемнон на берегах Нила.

Тамара Казавчинская

2001 год